

ВЕСНА

с ДЕТЕКТИВОМ

Татьяна **УСТИНОВА**

Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**

Евгения **МИХАЙЛОВА**

и другие :-)

Александр Руж
Татьяна Витальевна Устинова
Галина Владимировна Романова
Марина Крамер
Евгения Михайлова
Елена Ивановна Логунова
Анна и Сергей Литвиновы
Весна с детективом
Серия «Великолепные
детективные истории»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68842365
ISBN 978-5-04-181562-2

Аннотация

В новом сборнике представлены самые громкие имена современной остросюжетной прозы. Татьяна Устинова, Анна и Сергей Литвиновы, Евгения Михайлова и другие популярные писатели увлекут свежими историями, действие которых происходит весной. Захватывающие рассказы поразят вас оригинальными сюжетами, очаруют романтическими сценами

и захватывающими приключениями, удивят неожиданным финалом. Легкий слог, прекрасный стиль и море весеннего позитива доставят ни с чем не сравнимое удовольствие!

Весенним днем так приятно ощутить первое дыхание теплого ветерка! И пусть до настоящего тепла еще далеко, мы уже чувствуем весеннее настроение. Самое время поддержать его с остросюжетными рассказами любимых авторов, вошедшими в сборник «Весна с детективом».

Содержание

Елена Логунова

7

Конец ознакомительного фрагмента.

73

**Татьяна Устинова,
Анна и Сергей
Литвиновы, Евгения
Михайлова и другие
Весна с детективом**

Редактор серии А. Антонова

Оформление серии С. Курбатова

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

Елена Логунова

● Весеннее обострение ●

– Надо же, какой сегодня день хороший! – Ирка закрыла глаза и запрокинула голову, подставляя лицо солнышку. – А прогноз обещал дождь!

– Город большой, – напомнила я, тоже блаженно жмурясь. – Где-то, может, и дождь идет, а у нас тут вон так хорошо-о-о...

Мы с подружкой сидели на лавочке во дворе – никак не могли расстаться. Ирка только вчера прилетела из Москвы, где две недели торчала по делам своего нового бизнеса, устала, намерзлась, осатанела от безумной толчеи и суматохи, и теперь наслаждалась пасторальной тишиной и прелестью старого краснодарского дворика.

Погода, дотоле не баловавшая и нашу южную провинцию, как будто специально для Ирины Иннокентьевны сделалась чудо как хороша и теперь радовала всех гостей и жителей кубанской столицы первым весенним теплом.

Мы только что с большим удовольствием выпили кофе с пирожными в маленьком уютном кафе с видом на пустой в середине буднего дня городской сад и приятно прогулялись до моего двора, где подруга оставила свою машину. Но джип уже минут десять стоял с гостеприимно открытой дверью,

а его хозяйка все не спешила занять свое место за рулем. Облезлая деревянная скамья на свежем воздухе притягивала ее сильнее, чем кожаное кресло в замкнутом пространстве персонального автомобиля.

– Если есть на свете рай – это Краснодарский край! – разнеженно процитировала подруга патриотический рекламный слоган. – Тепло, светло, тихо...

И сглазила!

С будоражающим треском и звоном осыпалось осколками разбитое стекло.

– Что за...?!

Ирка вскочила, я завертела головой. Быстро просканировала взглядом два сходящихся углом крыла нашей сталинки – все окна во двор были целыми, а некоторые еще и чистыми: отдельно взятые хозяйюшки успели отметить долгожданный приход весны мытьем окон. Подвиг, на который лично я еще не скоро решусь. Куда спешить-то? Только март, будут еще и дожди, и туманы.

– Это там! – Ирка повернулась к джипу задом, к забору передом и устремила напряженный взгляд в соседний двор.

За металлической сеткой, начинающими зеленеть кустами и еще голыми, но раскидистыми деревьями хорошенько рассмотреть невысокий старый дом не получалось. Но я давно уже заметила: мы с подругой и всякие разные приключения – как гора и Магомед. Если она не идет к нему, то он направляется к ней – и наоборот. То есть, так или иначе, но мы

и экстраординарные события (не будем говорить «неприятности», чтобы не накликать) обязательно встретимся.

Вот и сейчас приключение быстро приближалось к нам. Буквально ломилось сквозь кусты!

Забор содрогнулся и затрясся, а потом из прорезанной для трубы теплотрассы дыры в металлической сетке ужом выползло какое-то чудище. Воющее, лохматое, голое, окровавленное!

Я замерла на месте. Со мной такое бывает: в шоке могу впасть в ступор. Ирка же только охнула и сразу начала действовать. Стянув с себя плащ, она метнулась к забору и применила свою верхнюю одежду как подобие ловчей сети, поймав и завернув в нее воющего голыша.

Да уж, плащ размера XXL может иметь множество способов применения. Хоть туристическую палатку из него делай, хоть смирительную рубашку для кого-то помельче.

– Тихо, тихо! – Ирка подвела пойманное чудище к лавке и попыталась усадить, но не смогла.

Оно безумно тарашилось на забор, из-под которого только что выползло, и рвалось в противоположную от него сторону.

– «Скорую» вызови, она же вся в крови! – бросила мне подруга и вместе с чудищем переместилась к своему джипу. – Давай сюда, милая, тут у меня как в танке!

– Она? – повторила я, оживая.

Левая рука заползла в карман за мобильником, пальцы

правой затюкали по сенсорному экрану.

Чудище, сверкнув голыми пятками, на удивление послушно полезло в машину.

– Вот и хорошо, вот и молодец, тут и подождем подмогу, – успокаивающе журчала Ирка, устраиваясь на заднем сиденье между чудищем и все еще открытой дверью.

Она оглянулась на меня через плечо и гаркнула:

– Ты звонишь, нет?!

– Служба скорой помощи, подстанция номер один, – как раз сказал мне в ухо усталый женский голос.

– Тут женщина, – назвав адрес, сообщила я не вполне уверенно. Хотя Ирка ведь сказала – «она», значит, успела рассмотреть это чудище, прежде чем упаковала его в свой тренч. – Она в крови и не в себе...

– Конкретнее, что с ней? – потребовал голос в трубке.

– Множественные раны, – подсказала подруга из джипа. –

Кажется, порезы.

– Множественные порезы, – повторила я в трубку.

– В результате чего?

Я хотела ответить, что не знаю, но вовремя вспомнила:

– Был слышен звон разбитого стекла. Кажется, она выпала из окна.

– Полицию вызвали?

– Нет, а...

– Вызов принят, ожидайте. – В диспетчерской первой подстанции трубка легла на рычаг.

Я подошла к джипу и заглянула внутрь. Чудище в панике дернулось и влипло в закрытую дверцу с другой стороны, испачкав стекло кровью.

– Отойди, не пугай ее! – махнула на меня рукой подруга. – И позвони Сереге. Сдается мне, тут история по полицейской части.

– В «Скорой» тоже так подумали. – Я снова затюкала по экрану смартфона, привычно посылая вызов на знакомый номер.

– Зачем ты мне звонишь в такой прекрасный день? – с тоской спросил настоящий полковник. Окончания фразы – «и портишь его» – не прозвучало, но я легко угадала.

За двадцать лет научилась мысли служивого друга читать.

– «Скорая помощь» велела звонить в полицию. – Я перевела стрелки на диспетчера.

– К кому «Скорая»? – Лазарчук построжал, даже осерчал. – Да не тяни, выкладывай!

– Мы с Иркой сидели на лавочке в нашем дворе, – зато-ропилась я. – Ничего такого не делали...

– Примуса починяли, – ввернул полковник.

Тоже чему-то научился у меня за двадцать лет. Классиков цитирует!

– Нет, просто на солнышке грелись. И вдруг дзынь, звяк, бряк – стекло разбилось, и из-под забора вылезла голая женщина...

– Ты там не бредишь? Тебе голову не напекло? Какая еще

голая женщина под забором, белый день же!

– Такая... – Я снова заглянула в джип, освежая воспоминания. – С безумным взглядом, растрепанная и окровавленная. Похоже, у нее множественные порезы.

– Что говорит?

– Ничего. Скулит и воет.

– Где?

– В моем дворе. И в Иркиной тачке.

– Я понял, ждите.

– Ну? – поторопила меня подруга, увидев, что я отлепила смартфон от уха.

– Все едут. Ждем.

– Лена, что там? – окликнула меня из своего окна Маринка Лосева – наш бдительный управдом.

– Какая-то женщина с порезами.

– Обработали?

– Ой нет! – спохватилась Ирка. – Лен, там в багажнике аптечка...

– Я сейчас принесу вату и перекись, – перебила ее Лосева и исчезла из окна, чтобы через минуту появиться на крыльце.

Потом Ирка и Маринка, сидя на заднем сиденье рядом с пострадавшей, в четыре руки ватными дисками стирали с нее кровь. В процессе выяснилось, что Лосевой эта женщина знакома.

– Ой, Дашенька, это ты?! – ахнула она.

– Тетя Мара? – Пострадавшая наконец-то произнесла что-то членораздельное.

Правда, этими двумя словами и ограничилась, начав рыдать.

– Сейчас, сейчас. – Управдомша вылезла из машины и убежала в свой подъезд. Через пару минут она вернулась вместе со своей дочкой Настей и подпихнула ее в машину, на то место, где только что сидела сама.

– Дашка! Что случилось?! – Настя схватилась за голову.

– Даша – Настина подруга, бывшая одноклассница, – объяснила мне Маринка.

Мы с ней переминались за бортом вдвоем, Ирка не пожелала вылезти из джипа, оставив подруг наедине.

Деликатности – ноль, а любопытства – выше крыши!

С другой стороны, это вообще-то ее машина, имеет право сидеть там, сколько хочет.

– Даша, кто тебя так? Кто это сделал? Это он, Даша?! – допытывалась Настя.

Мы с Лосевой придвинулись к открытой двери джипа. Ирка оглянулась на нас, сделала строгое лицо и приложила палец к губам – мол, тс-с-с, молчите, не спугните!

А Даша, заливаясь слезами и хлюпая носом, стала рассказывать.

В том, что Митя ее любит, она никогда не сомневалась. Он любил ее так, как никто и никогда!

Дашке и полугодом не было, когда ее бросила непутевая мамаша. Родила в восемнадцать – вне брака и даже без любви, по случайному залету. Правда, знала, от кого – и то хорошо.

Папаша, тоже восемнадцатилетний, не горел желанием брать на себя ответственность за такое сомнительное счастье. Самого мать в неполной семье растила, знал, каково это – в одиночку ребенка поднимать. К счастью, мать папашки оказалась совестью и порядочной, брошенную всеми Дашку приняла и удочерила. И получилось, что бабушка стала девчонке мамой, а папашка – братом. Такая вот каша.

Целых шестнадцать лет у Дашки была строгая, но заботливая мама-бабушка Галина Ивановна, но на том ее везение и закончилось. Когда девчонка заканчивала девятый класс, Галина Ивановна умерла. В десятый Дашка не пошла, поступила в колледж, но через три месяца его бросила: совмещать учебу с подработками не получалось, а неудельный папашка сестричке-дочке деньгами не помогал. Самому не хватало. Благо, не выгнал из квартиры, честно поделил жилплощадь с Дашкой: одна комната ей, вторая – ему, третья общая. Поначалу нормально было, а потом папашка надумал жениться, привел в дом подругу, да с ребенком. И Дашка сразу почувствовала себя лишней.

С работой у нее не складывалось – поди найди что-то приличное без образования и связей! На личном фронте тоже сплошные поражения – парни ей попадались сплошь неудельные. Один курил траву, второй оказался игроманом,

третий вроде как ратовал за здоровый образ жизни, был спортсменом-мотогонщиком, но как-то очень неудачно покатал Дашку на своем стальном коне – хирурги потом ей руку и ногу по частям собирали, чудо, что хромой не осталась.

И вот кому она была такая нужна – нищая, необразованная, да еще и невезучая?

Только Мите.

Даша не сразу поняла, что этот красивый молчун не просто так постоянно попадаетея ей на пути. Смешно сказать, соседка, дряхлая бабка, открыла девице глаза, начав вдруг ни с того ни с сего уговаривать:

– Ты не смотри, Дашка, что Митька странный такой, он парень хороший, надежный. И ремесло у него в руках, и заработок приличный, и квартира своя двухкомнатная – чем тебе не жених?

И таки сосватала их соседка, сошлись Дашка с Митей. С полгода жили просто так, притирались, а потом поженились. Нет, свадьбу не играли, Дашка денежки берегла, да и неко-го им было на свадьбу звать – не папашку же с его новым семейством? Те про Дашку забыли, как только она свои вещички из общей квартиры вынесла.

Соседка, бабка мудрая, права оказалась: за Митей Даша будто за каменной стеной зажила. Он и деньги в дом нес, и подарки жене дарил, и всячески старался ее порадовать. По ресторанам и клубам не водил – стеснялся, но вывозил на своей «Калине» то на море, то в горы. Любил разбить палат-

ку в красивом безлюдном месте и наслаждаться отдыхом на природе без шума и суеты.

Ну, и чего Дашке еще было нужно? Чего ей не жилось спокойно и счастливо?

Мамашкины гены, должно быть, сказались. Та была гуленьой, и Дашка в нее пошла, как видно.

А Митя оказался ревнивым. Поначалу это Дашку забавляло: его сердитое сопение, неодобрительные взгляды на глубокое декольте и тщетные попытки одернуть слишком короткую юбку. Потом стало невесело, когда пошли скандалы и ссоры, особенно жуткие из-за того, что бешеный гнев ревнивого мужа выплескивался не словами, а животным рычанием. Митя лупил кулаками в стены и бил посуду. Жену, правда, не трогал. Дашка думала – побесится и смирится, куда ему деваться, любит же ее.

Ошиблась, дурочка. После очередного скандала муж ушел, громко хлопнув дверью, и домой не вернулся.

Сначала Дашка обрадовалась. Ура, свобода! Никто ее не контролирует, не критикует наряды, не лезет проверять переписку в телефоне. Но, видно, Митя все же следил за ней, потому что вскоре началось.

Муж стал присылать ей сообщения. Сначала ругательные, потом угрожающие. По-всякому обзывал, обещал наказать. Как-то ночью вообще написал, что убьет. Дашка, конечно, не верила, но покой потеряла – кому такое приятно? А Митя не отставал. То в потемках в стекло постучит – этаж-то первый.

Дашка выглянет, а за окном никого. То под дверь какую-нибудь гадость с намеком подбросит – то цветочек увядший, то таракана раздавленного, а однажды мышшь дохлую. Соседка-старуха, правда, успокаивала ее, мол, мышшь и таракан – это шалости ее кота, тот известный безобразник. Но Дашка в это не верила. С чего бы это соседский кот вдруг на нее ополчился?

Нет, это Митя, больше некому.

И как же она обрадовалась, когда он вдруг прислал нормальную эсэмэску, без ругани и угроз, с человеческой просьбой. Отдай, мол, Даша, рыболовные снасти, что в кладовке хранятся.

Ну, наконец-то! – подумала Дашка. Перебесился, смирился, снова начнет успокаивать нервы рыбалкой...

Но все-таки встречаться с мужем после всех его угроз ей не хотелось. Решила так: как Митя подойдет и в домофон позвонит, она его удочки-сачки на лестничную площадку выставит, в квартиру вернется, запрется там и уж тогда ему подъездную дверь откроет. Нормальный же план? Логичный и безопасный.

Муж согласился.

В назначенный час Дашка услышала звонок, вышла из квартиры с удочками, поставила их аккуратно в угол лестничной площадки, уже повернулась к открытой двери своей квартиры – и вдруг...

Он не ударил ее, нет. Просто накинул на голову то ли ме-

шок, то ли наволочку и сильно двинул в спину, заталкивая в квартиру. В прихожей швырнул к стене – тут она стукнулась головой и от удара – или больше от страха? – отключилась. Но сквозь уплотняющуюся вату в ушах еще успела услышать зловещее:

– Сейчас ты умрешь, девочка.

Очнулась в воде. В ванне. По-прежнему с мешком на голове, но уже без одежды. Пришла в себя от боли – он полоснул ее по ноге. Она дернулась, вскрикнула и опять услышала:

– Ты покойница.

И снова порез! Еще и еще!

– Тебе страшно?

Порез!

– Ты дрожишь как осиновый лист.

Дрожала не она, волновалась вода в ванне. Дашка вдруг сообразила, что он тоже сидит в ней! Она – в одном конце, он – в другом. У них хорошая ванна, большая, двухметровая. Можно и вдвоем поместиться, они уже пробовали, хотя и не так.

Он снова полоснул ее – по груди, и Дашка испугалась, что в следующий раз острое лезвие вонзится ей под ребро или чиркнет по горлу. В отчаянии она резко качнулась вперед, слепо выбросив руки перед собой, – и попала! Толкнула его и ощутила движение воды: он уже не сидел перед ней, а барахтался, потеряв равновесие!

У нее были считанные секунды, пока он не вынырнул, и она

их использовала все до единой. Успела выскочить из ванны, оскальзываясь на мокром, пробежала по коридору в кухню и головой вперед – как была, в мешке! – нырнула в окно.

Как хорошо, что они не поставили решетки! И квартира на первом этаже!

Он, разумеется, бросился за ней, и даже еще раз чиркнул острым по спине, но прыгать в окно не стал. Дашке, однако, казалось, что он гонится за ней по пятам, но оглянуться она, даже избавившись от мешка, побоялась. Бежала, куда глаза глядят, пока не уперлась в забор, увидела в нем дырку – полезла...

– Да-а-а, – протянула Ирка, провожая взглядом отъезжающую «Скорую». – Вот это история... Любовь и кровь!

– Да, кстати, кровь! – запоздало спохватилась я. – Плащу твоему, похоже, конец.

– Да и ладно, он неновый и уже надоел, – отмахнулась подруга. – Чехлы отстирать проблемой будет... Разве что химчистка справится?

– Так, стоп, а эти куда?! – заволновалась я, увидев, что «патрулька» выруливает со двора вслед за «Скорой».

Полицейские вместе с нами внимательно выслушали эмоциональный рассказ потерпевшей и, записав ее личные данные и адрес, укатили!

– Спокойно, я думаю, они отправились брать преступника, – предположила управдомша, оставшаяся с нами.

Настя поехала в больницу с подружкой. Перед этим сбегала к себе и принесла Даше подходящие по размеру вещи – спортивный костюм и шлепанцы.

– Вы же не ждали, что бравые парни полезут в соседний двор через дыру в заборе? – добавила Маринка. – Им куда проще подъехать к дому с улицы.

– И что, мы не узнаем, как пройдет задержание? – Ирка расстроилась.

– Можем побежать следом, – предложила я. – Или пролезть через дыру. Хотя нет, мы не такие тощенькие, как Даша.

– Спасибо за деликатность. – Ирка, которая весит ровно сто кило, оценивающе посмотрела на подзаборный лаз, подумала немного и помотала головой: – Нет, не хочу, как Винни-Пух, застрять там до пятницы! Садись в машину, прокатимся за «патрулькой», посмотрим на задержание ревнивца Мити.

– А вот и не посмотрите, – неожиданно заявила Маринка.

– Это почему же? Мы быстро. – Ирка открыла мне правую переднюю дверцу.

– Не будет задержания Мити, – сказала Лосева и добавила: – Во всяком случае, я так думаю.

– И почему же? По-твоему, мужа, едва не убившего жену, так просто отпустят? – не поняла я.

– Да не поэтому. – Маринка присела, попыталась взбодрить помятые и полегшие хризантемы под забором, не пре-

успела и досадливо цыкнула. – Вечно у нас что-то случается, а еще двор образцового содержания!.. А насчет задержания: я, знаете ли, не уверена, что Дашке можно верить. Она вообще такая... – оправдомша помедлила, подбирая слово, – не самая правильная девочка. Могла и наврать.

– Ты что? На ней же реально порезы! – возмутилась Ирка. – Фельдшер сказала – не меньше тринадцати ран!

– Порезы – это да... Но «Девочка, ты умрешь», «Ты покойница» и все такое прочее – это точно не Митины слова.

– Что, не в его стиле? – не поняла я.

– Не в стиле дело...

Маринка снова помолчала, а потом вдруг выдала:

– Дело в том, что Дашкин муж Митя – немой.

Мы все-таки поехали вслед за «патрулькой» – втроем, Маринка не пожелала остаться в стороне, – но немного заплутали в старых дворах, где то шлагбаум посреди проезда, то непролазная лужа, то буддистски невозмутимая собака прямо на дороге спит... К соседнему дому смогли подрулить лишь минут через двадцать. Лучше бы я быстренько под забором просквозила! Небось не застряла бы, мне до Винни-Пуха еще далеко – пятьдесят восемь кило при росте сто семьдесят два.

В общем, никакого эффектного задержания мы не увидели, права была Маринка. Какая-то местная бабка, увидевшая немногим больше нашего, сказала, что полицейские приез-

жали, осматривались, залезли в разбитое окно, поскольку дверь была заперта. Внутри никого не застали, так и уехали ни с чем. В смысле, ни с кем.

Мы тоже разошлись-разъехались по домам.

Я кое-как дотерпела до вечера и позвонила Лазарчуку. Набрала его ближе к восьми часам, когда полковник уже должен был освободиться от службы, добраться до своей холостяцкой норы и поужинать, чем бог и доставка послали.

Голодного мужика донимать вопросами не стоит.

– А я ведь ждал, когда ты позвонишь, – на редкость благодушно приветствовал меня Серега. Видно, бог и доставка расщедрились. – Знаю, знаю ваш с Ирккой принцип: «Мы в ответе за тех, кого...» – и так далее. Спрашивай.

– Арестовали преступника, который Дашу порезал? – Я не заставила себя уговаривать.

– Задержали, – поправил Лазарчук.

– А нам сказали, в квартире его не было! – Я немного расстроилась. Не люблю заблуждаться и обманываться.

– В квартире не было, – согласился полковник. – Его на дачке взяли. В состоянии нестояния, то есть пьяного в хлам.

– Митю, мужа Даши? – уточнила я.

– Гражданина Покрышкина Дмитрия Васильевича, так точно.

– Серый, а если это не он? – заволновалась я.

– Что значит – не он?

– Ну, не он напал на Дашу?

– А кто же? – удивился полковник. – Суди сама: у него были ключи от подъезда и квартиры, запасная связка. Он без труда мог попасть в дом...

– И в квартиру! Зачем тогда просил Дашу ему открыть?

– Чтобы застать ее врасплох, разумеется! То есть в подъезд-то он вошел, а вот в квартиру даже с ключами проникнуть не мог, потому что дверь изнутри была на цепочку закрыта.

– Вот почему Даша не в дверь бежала, а в окно! – соображала я. – С цепочкой бы долго возилась...

– Вот, видишь, все ты понимаешь, – похвалил меня полковник.

– Не все, – возразила я. – Чем ее резали, что было орудием преступления?

– Бритва.

– И что, на ней следы пальцев Мити? То есть гражданина Покрышкина?

Лазарчук замялся.

– Серый, не молчи! Есть следы или нет?

– Да нет, конечно! – В голосе друга прозвучала нотка досады. – Какие следы? Бритва в ванне лежала, в воде. То есть в том, во что превратилась вода...

Я поежилась. В кино не раз видела, как вода эффектно и пугающе меняет цвет при попадании в нее большого количества крови. Полная ванна алой жижи – то еще зрелище! А кто-то в нее руку совал, бритву вылавливал...

– Но вообще в санузле отпечатков Покрышкина сколько угодно, – договорил полковник.

– Еще бы, это же его собственная квартира! – напомнила я. – Он жил в ней недавно, понятно, что там всюду его следы!

– Вот же ты вредная, – посетовал Лазарчук. – Как адвокат! Ладно, слушай: сообщение с просьбой встретиться для получения спиннинга и прочих рыболовных прибабасов пришло гражданке Покрышкиной с мобильного ее мужа. Он даже не подумал его удалить!

– А сообщения с угрозами?

– Их стер, но мы проверили, они тоже с его телефона отправлены. – Полковник расслабленно зевнул. – Так что сама понима-уа-ешь, кто был Джеком-потрошителем в данном случае: ревнивый муж. Обычное дело, можно сказать, классика...

– А вот и не обычное, – не согласилась я. – Сереж, а подозреваемого допросили?

– Завтра допросят, когда проспится. Говорю же, он пьяный в зююю прибыл, ни бэ, ни мэ, одно мычание.

– Конечно, одно мычание! Лазарчук, он же немой!

– В каком смысле – не твой?

Я заподозрила, что и мой собеседник нетрезв. Не в зююю, конечно, бэ и мэ выговаривает, но тупит.

– Немой – в смысле бессловесный! Безмолвный, безгласный, безязыкий! – Я щедро накидала синонимов. – Не разговаривает он, Сережа!

– Почему это?

– Вот этого я не знаю, диагноз тебе медики уточнят, но факт есть факт: Дмитрий Покрышкин нем, как тургеневский дворник Герасим! И он никак не мог резать Дашу, приговаривая «ты покойница» и «сейчас ты умрешь»!

– Да? Интересная информация. Ну, мы разберемся, – пообещал Лазарчук и сразу положил трубку, чтобы только не признавать свою неправоту.

– Даже в бочке меда есть ложка дегтя! – объявила Ирка, позвонив мне, когда я уже легла в постель. – Вот мы с тобой сегодня восхищались весной, а ведь у нее при всех плюсах есть и минусы!

– Как у любого времени года, – заметила я и беззвучно зевнула в ладошку. – Помнишь, у Пушкина: «Ох, лето красное! любил бы я тебя, когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи».

– Ха, мухи! Весеннее обострение – это тебе не зной да пыль!

– Ты про сезонный всплеск психических расстройств?

– Ну! Я тут посмотрела в Интернете статистику и криминальные сводки. Судя по ним, по стране шагает весеннее обострение! В одной столице только за первую неделю марта произошло несколько кровавых семейных драм. Один мужик, гастарбайтер, на глазах у детей зарезал свою сожительницу, а потом себя самого. Другой – военный, прапорщик,

из табельного оружия застрелил жену и пустил себе пулю в лоб. Третий, фармацевт, отравил супругу, а после сам принял яд. И все это из ревности, представляешь?!

– К чему эта пугающая информация на ночь глядя? – встревожился мой супруг.

Он услышал громкий голос Ирки из трубки, лежа на соседней подушке.

– Не бойся, я тебя ни в чем не подозреваю. – Я похлопала благоверного по крутому плечу. – И вообще у меня нет ни пистолета, ни кинжала, ни яда.

– Зато у тебя есть богатое воображение, – не успокоился Колян. – И сильные гибкие пальцы, натренированные стучать по клавиатуре. Чем не смертельное оружие?

– Молился ли ты на ночь, Николаша? – зловеще спросила Ирка в трубке и демонически хохотнула.

– Слушай, спи уже, Дездемон! – Я вылезла из постели и побрела на кухню.

Там мне никто не помешает спокойно поговорить с подружкой. Во всяком случае, в ближайший час. Чай с пирожными мы пили аккуратно перед сном, так что ночные набеги на холодильник мои мужики начнут только ближе к полуночи.

– Продолжай, – сказала я Ирке, удобно устроившись на кухонном диванчике.

– И вот я подумала: а что, если Даше и впрямь не стоит верить? Вдруг она все придумала?

– Хочешь сказать, девушка сама себя порезала, а обвини-

ла мужа? Но зачем?!

– Да мало ли! Ты же писатель, сама можешь придумать с десяток правдоподобных ответов на этот вопрос. Может, наша Даша не дружит с головой, а тут вдруг весна – обострение. Ну, согласишься, она здорово смахивала на ненормальную?

– А кто бы не смахивал – голый, в крови и в шоке?!

– Эй, ты не защищай ее! Она, быть может, ни в чем не повинного мужика оговорила! Его теперь наверняка арестуют...

– Задержат, – поправила я, совсем как Лазарчук недавно. – И ты права, он уже в ИВС.

– Откуда знаешь?!

– Сереге позвонила. Повязали уже гражданина Покрышкина Дмитрия, отчество не помню. На даче взяли пьяным настолько, что даже не поняли, что он вообще-то немой.

– О! Это плохой признак. Не оттого ли гражданин так напился, что терзался чувством вины?

– Ты уж определись, кто у тебя виноват – Митя, Даша...

– Весна виновата! – Ирка шумно зевнула. – Ой, прости. Пора на боковую, но мы подумаем об этом завтра. Спокойной ночи!

– Доброе утро!

– Уверена? – буркнула я, но все же придавила кнопочку домофона.

Не держать же лучшую подругу на крыльце только потому, что она явилась в несусветную рань.

– Помнишь, была когда-то песня со словами «Лишь бы день начинался и кончался тобой»? – спросила я, впуская Ирку в квартиру.

– Помню, Эдуард Хиль пел.

– Про тебя.

Подруга тихо фыркнула, сбросила босоножки и бесшумно прошла на кухню. Там она первым делом извлекла из своей торбы картонную коробку, поместила ее на середину стола и поправила, добиваясь идеальной геометрии.

– Пахнет вкусно, что там? – Я потянулась к белой коробке без картинки и надписи, но Ирка шлепнула меня по руке:

– Это мальчикам на завтрак! Осетинский пирог с мясом.

– Правильное название – фыдджын. – Я сделала грустную мордочку. – Он вкусный...

– Вкусный, но вредный, а ты же не хочешь толстеть? Вот малина. – Ирка достала из сумки-самобранки пластиковую коробочку. – Оцени, я сама собирала ее для тебя на рассвете!

– Ценю! – Я признательно кивнула, забрала коробочку с ягодами и покосилась на торбу: – А кофе там нет?

– А кофе я сварю, пока ты будешь одеваться. – Подруга сдернула с гвоздика фартук и повязалась им. – Иди, собирайся, нам надо поторопиться.

Малину я склевала в процесс сборов, а кофе перелила в термостакан и взяла с собой.

– И куда мы в такую рань? – оглядев пустой двор, спросила я уже на крыльце.

– К дому Даши. – Целеустремленная Ирка без задержки сошла по ступенькам.

Я сделала глоток кофе и поспешила ее догнать.

– А зачем нам туда?

– Там люди, Лена! Лю-ди! – важно ответствовала подруга на ходу. – Простые граждане, у которых есть глаза и уши, а это значит, что жизнь супружеской пары Покрышкиных они видели, слышали и делали какие-то выводы.

– Которыми сейчас поделятся с нами? В такой-то час? – Я интонацией выразила недоверие.

Лично я, попытайся кто-то затеять со мной беседу в шесть утра, поделилась бы с организатором опроса разве что народной мудростью: лаконичным посылом куда подальше.

– Вчерашняя бабка была совсем не прочь поболтать, – напомнила Ирка. – А у нее в авоське лежали пакетики с собачьими сухарями. Не сама же она их грызет?

– А! Ты хочешь подстеречь старушку-собачницу и помочь ей скоротать время, необходимое псинке для совершения важных утренних дел, за приятной беседой?

– Нравится мне, как четко ты формулируешь. – Подруга одобрительно похлопала меня по плечу.

Мы не повторили вчерашнюю ошибку и проследовали в соседний двор пешком. Получилось быстро, не то что на колесах.

Ирина Иннокентьевна – мудрая женщина. Ее расчет оказался верным: по чахлому газону, заинтересованно шурша невнятной растительностью, уже сновала маленькая лохматая собачка из тех, при наличии которых в домашнем хозяйстве вовсе не нужны щетки для обуви.

Животинку бдительно караулила вчерашняя бабка. В руке у нее был свернутый арканом поводок, на лице – выражение смертной скуки.

При нашем появлении старуха оживилась:

– Что-то зачастили вы, девки? – В дребезжащем голосе отчетливо прозвучало одобрение.

– Вот спасибо на добром слове! – расплылась в улыбке Ирка. – Меня уже лет двадцать никто девкой не называл!

– А мне восемьдесят два, и все, кто еще не пенсионерки, – девки, – ухмыльнулась бабка. – Вы чего это сюда в такую рань?

Скрипнуло открываемое окно.

– Тось, эт хтось? – донеслось до нас одновременно с клубом сигаретного дыма.

Со второго этажа выглянула, как Баба-яга из чердачного окошка избушки, еще одна старушенция, совершенно разбойного вида – с сигаркой во рту и в престранных очках: одно стекло простое, второе – темное.

– Марусь, я сама разберусь, – остро глянув на Старенькую Разбойницу, пообещала ее подруга.

– Какие рифмы, а? – Ирка, доморощенная поэтесса, в вос-

хищении подпихнула меня локтем. – Тось – хтось, Марусь – разберусь!

– Простите, Антонина... а как ваше отчество? – Я не отвлеклась на несвоевременный литературно-критический анализ.

– Марковна я.

– Нам, Антонина Марковна, нужно собрать отзывы соседей о супругах Покрышкиных, Дмитриии и Дарье, – официальным тоном сказала я. Запасливая Ирка, поддерживая мою версию, тут же достала из своей торбы блокнот и ручку и демонстративно приготовилась записывать. – Вот вы явно женщина основательная, не вздорная, что можете нам о них сказать?

– Все-таки разводятся голубки? Теперь уже, надо понимать, по суду? А я говорила Митяю: не пара она тебе, вертихвостка эта. Ну, неудельная же деваха, девять классов образования, ни ремесла в руках, ни заработка, ни приданого, ни даже родни порядочной! – моментально завелась бабуся. – Митяй-то – он совсем другой. Надежный, основательный, работающий. Подумаешь, безъязыкий? Муж молчит – бабе счастье: про борщ пересоленный не скажет, лишнего не спросит!

– Они ссорились? – спросила Ирка, что-то черкая в блокноте.

– Да кто ж их знает? Он немтыка, она просто тихушница – лишний раз слова не скажет, все норовит мимо даже без

«здрассте» проскочить. А стены у нас в доме толстые, сталинская еще постройка, что там у них в квартире творилось – никому не известно, – сказала бабка с нескрываемым сожалением. – Но раз Митяй из собственного дома ушел, значит, допекла его чем-то змеючка эта верткая. Ему-то здесь нравилось жить, в старой родительской хате. И квартира хорошая, двухкомнатная, и гараж капитальный, – старуха мотнула острым подбородком на упомянутую постройку, – у Митяя там инструмент и материал, он же мастер-плиточник.

– А она ему изменяла! – авторитетно заявила Старенькая Разбойница и поправила странные окуляры.

– Откуда знаете? – Ирка вскинула голову на голос.

– «Откуда знаете?» – передразнила ее старуха. – Отсюда и знаю! В окно смотрела, видела, как ее вечерами чужая машина к дому подвозила.

– Такси, может? – предположила я.

– Ага, такси-макси! – снова передразнила бабка. – Приземистая машина, блестящая, будто серебряная. На таких не таксуют.

– Марка, номер?

– Номер-помер! Ты в уме? – Старенькая Разбойница опасно постучала себя кулачком по лбу. – У меня на одном глазу минус шесть, на другом вообще бельмо, как я циферки разгляжу? А марки я знаю только почтовые и акцизные.

– И еще деньги такие были немецкие, помнишь? – подсказала ей старушка-подружка.

– Да подожди ты про деньги. – Разбойница отмахнулась сигаретой, и нас снова окутало дымом. – Машина серебристая была, а впереди кот.

– Кот? За рулем? – удивилась Ирка.

Животных на персональном транспорте мы с ней только в цирке видели: водили как-то ее близнецов смотреть на дрессированных медведей-мотоциклистов.

– Совсем ку-ку? – Разбойница покрутила артритным пальцем у виска. – Он у машины на морде был, тот кот. Неживой!

Судя по тому, что Ирка потеряла лоб, она ощутила легкое головокружение. А мне богатое воображение с печальным вздохом нарисовало котика – жертву ДТП на капоте сбившего его автомобиля.

– Железный, – добавила Разбойница. – Как у «Волги» олень!

– А, так вы имеете в виду значок автомобильного бренда – металлическую фигурку на капоте! – обрадовалась Ирка.

– Ага, железный кот, – подтвердила бабка.

Уф-ф, отлегло! Мой воображаемый котик жив-здоров!

Я выдохнула и уточнила:

– А это точно кот был? Говорите, у вас проблемы со зрением, как разглядели фигурку?

– А я мимо шла и зацепилась за нее, хорошую шаль порвала. – Старенькая Разбойница нахмурилась, удвоив число морщин на лбу. – Пока отцеплялась, отлично разглядела.

– А владельца той машины не рассмотрели? – с надеждой спросила Ирка.

– А не было его в ей, а то я б ему всё высказала. Перегородил своей колымагой вход в подъезд, никакого уважения к людям! – Бабка безадресно погрозила кулаком.

– Маруся, не нервничай! – прикрикнула на нее Антонина Марковна. – Корвалолу выпей.

– Заходи, вместе выпьем, – предложила Старенькая Разбойница. – Не корвалолу, так чаю. У меня мягкие пряники есть.

– А и зайду, вот только Ваня управится. – Бабка присела и заглянула под куст.

– Ваня? – повторила Ирка.

Нам только Вани – изподкустового выползня не хватало.

– Да это собакен ейный, Одуванчик его полная кличка, – хохотнула сверху Разбойница и исчезла из окна.

Антонина Марковна, похватив своего питомца, заторопилась в подъезд.

– Всё, некого больше опрашивать. – Ирка вздохнула и зачем-то тоже заглянула под куст. – Идем отсюда. Надо поскрипеть.

«Поскрипеть» – значит «подумать», «предаться дедуктивным размышлениям». По методу Шерлока Холмса, который плотворно мыслил, играя на скрипке.

Я-то на струнных играть не умею, только на рояле, но против использования проверенного метода не возражаю. Тем

более что Шерлок Холмс в нашем с подружкой тандеме – звание переходящее, как знамя передовика социалистического труда. Чьи мозги громче скрипнут, тот и Шерлок!

Время было раннее – семь утра с минутами, цивильные заведения общепита еще не открылись, но я знала неподалеку крошечную кофейню, работающую круглосуточно. Владельцы грамотно расположили ее на ближних подступах к пригородному вокзалу, а там всегда есть желающие заправиться горячими (а то и горячительными) напитками в неурочный час. Специфическое местечко, но атмосферное. «Буфет нон-стоп» называется.

Крупную возрастную даму за стойкой язык не повернулся бы назвать модным словом «бариста»: классическая советская буфетчица, чистый, незамутненный тип! Фартук с рюшами, накладка с кружевами, пухлые пальцы в недорогих золотых кольцах, губы в морковной помаде.

Двигалась буфетчица так неторопливо, что даже собрала небольшую очередь. Ирка, растроганно улыбаясь, встала в нее, жестом отогнав меня от прилавка. Я подчинилась и заняла нам столик.

Подруга подошла с нагруженным подносом минут через пятнадцать. Я уже зевала в ладонь, усыпленная гипнотическим морганием неисправной вывески заведения напротив. «Менная» – упорно высвечивали некомплектные буквы.

– Обменная? Доменная? – негромко гадала я вслух.

– Просто «Менная», – предложила Ирка, поставив на стол поднос. – От английского слова «мен» – заведение специально для мужиков.

– Бордель, что ли? – оживилась я.

– Да нет, конечно. – Подружка сноровисто переставила на стол стаканы с кофе и тарелки с пирожками. – Вообще-то там просто пельменная. Но ты же понимаешь, откуда мысль о борделе?

– Наверяна разговором с бабульками, фактически обвинившими Дарью Покрышкину в распутстве, – кивнула я и потянулась за пирожком, толстым, румяным и таким блестящим, будто его лаком покрыли. Ум-м-м! С яблочным повидлом. Вечная классика!

– Итак, Дарья изменяла мужу. – Ирка тоже взяла классический пирожок. – Что это нам дает?

– Нам – не знаю, а адвокату Покрышкина – возможность вызвать сочувствие к обманутому супругу. Хотя ревность не является смягчающим обстоятельством, разве что получится доказать: Дмитрий действовал в состоянии аффекта...

– Погоди, так ты веришь, что чик-чик бритвой сделал муж? – Подружка замерла с пирожком в одной руке и стаканом в другой, грозная, как царица-императрица со скипетром и державой. – А почему, собственно, сразу он?

– Потому что именно он договорился с Дарьей о встрече!

– Это могло быть совпадением.

– А еще потому, что по статистике в абсолютном боль-

шинстве случаев домашних убийств виноват муж, если жертва – жена, и наоборот.

– Я знаю эту статистику, ее Лазарчук постоянно приводит, ведь она позволяет нашей доблестной полиции экономить время и силы на поисках преступников. – Царица-императрица погрозила мне скипетром-пирогом. – Но мы не полиция и не будем идти путем наименьшего сопротивления. Придумай хоть одно объяснение, каким образом Дмитрий мог озвучить Дарье угрозы, если он немой!

– Одно? Да хоть три!

Я поудобнее устроилась на стуле. Он скрипнул. Правильно, будем все по мере сил скрипеть.

– Первая версия: Дмитрий явился не один. У Дарьи на голове оказался мешок, и она не видела подельника мужа, а тот немой не был. Все эти «девочка, ты умрешь» и так далее – его реплики.

– Дальше, – немного подумав, коротко повелела царица-императрица Ирина Иннокентьевна.

– Вторая версия: Дмитрия там вообще не было. И резал Дарью, и угрожал ей нанятый ее ревнивым мстительным мужем отморозок.

– Дальше!

– Третья версия: все пугающие реплики звучали только в воображении Дарьи. Она была напугана и шокирована, в таком состоянии что угодно померещиться может.

– Та-а-ак... – Ирка в задумчивости съела пирожок, обхва-

тила стакан с кофе двумя ладонями и сделалась похожа не на величественную императрицу, а на надутого хомяка. – Первая и вторая версии не годятся, если у нас тут преступление из ревности. Как ты себе это представляешь: ревнивый муж сам приводит постороннего мужика, чтобы тот глазел на его беззащитную голую жену? Нет, не выходит каменный цветок, не вытанцовывается сцена. Мы со Станиславским кричим: «Не верим!»

– О, в ход пошла психология? Тогда – да, соглашусь с тобой, версии номер один и два внушают сомнения. А третья?

– Третья тоже внушает. Никто не говорил, что Дарья с головой не дружит, а слышать голоса, которых нет, – это конкретный психиатрический диагноз.

Я неопределенно пожала плечами: ставить диагнозы, особенно психиатрические, не берусь.

Ирка допила кофе, со стуком поставила на стол стакан и объявила:

– Есть четвертая версия. Это был не Покрышкин! Но и не нанятый им отморозок.

– А кто же?

– Следи за мыслью. – Подруга прикрыла глаза, словно считывая информацию внутренним взором. – Злодей нанес потерпевшей тринадцать ран, но все они легкие, несмертельные, просто порезы. Да, много крови, останутся шрамы, но не более того. Это о чем говорит?

– О том, что он не хотел ее убить?

– Точно!

– Только напугать?

– Не только. Еще изуродовать, – не забывай про шрамы.

– Лицо-то он не тронул, – напомнила я. – У Даши голова в мешке была.

– Вот именно! Пострадали не лицо и шея, а те части тела, которые видны, если снять одежду. Смекаешь? Он хотел, чтобы она не могла раздеться перед посторонними.

Я немного подумала и помотала головой:

– По-моему, это однозначно возвращает нас к Покрышкину! Именно он не хотел, чтобы его жена заголялась перед другими. То есть мы вернулись к теме дикой ревности...

– Да! Но кто сказал, что вертихвостку Дарью ревновал только Дмитрий?!

– О-о-о... Кажется, я понимаю... Был же еще, как мы узнали, какой-то любовник!

Ирка глубоко кивнула и откинулась на стуле, довольная собой:

– Ватсон, надо выяснить, кто этот джентльмен на серебряном авто с железным котом!

– Железный кот интригует, – согласилась я и, подумав, отыскала один перспективный номерок в своих контактах. – Василий, приветствую!

– Кого я слышу! Великий русский писатель звонит! – нарочито обрадовался старый знакомый.

– Ты беспардонно льстишь мне, Вася.

– Нет, просто напрашиваюсь на ответный комплимент.

– Тогда ладно. Приветствую великого русского мецената!

– Перебор, – посетовал мой собеседник. – Меценаты – они как бы альтруисты, вкладываются в искусство, не ожидая отдачи, а я свою коллекцию не без коммерческих соображений собираю...

– Кстати, о твоей коллекции. – Я не упустила возможности перейти от реверансов к делу. – Скажи мне, Вася, у какой такой машины на капоте красуется металлическая фигурка кота?

– Ни у какой!

– Да ладно? Производители автомобилей не любят котиков?! Страшно далеки они от народа!

– Лен, где котики, а где дорогие машины? – рассудил председатель краевого клуба владельцев коллекционных автомобилей. – Но тебе точно кот нужен, ягуар в прыжке не устроит? Это хищное животное семейства кошачьих – один из самых узнаваемых и любимых автомобильных маскотов. Статуэтка олицетворяет изящество, силу и скорость, в ее дизайне присутствуют серебряный и черный цвета, которые придают фигурке изысканность и утонченность. Многие годы эта гладкая серебряная скульптура украшала британские автомобили премиум-класса, но современные модели...

– Не надо про современные модели. – Я перебила разохотившегося лектора. – Скажи, у нас в городе есть «Ягуары» с фигурками?

– А зачем тебе? – В голосе коллекционера-коммерсанта прозвучало подозрение.

– Один знакомый режиссер ищет такую машину для киносъемок, – легко соврала я.

– Обязательно «Ягуар»? А коллекционный «Бентли» или «Роллс» ему не подойдет?

– Вася, между нами, я бы не советовала тебе использовать подобным образом свои машинки, потому что в том кино по сценарию гонки и трюки, страховка влетит в копеечку, поверь, оно того не стоит, – доверительно сказала я.

– А, тогда ладно, – успокоился коллекционер-коммерсант. – Но твоему знакомому режиссеру лучше поискать авто в столице, в нашей житнице всего одна машинка с прыгающим ягуаром, и ее счастливый владелец не настолько нуждается, чтобы сдавать ее в аренду.

– И кто же этот состоятельный счастливец? – Я наклонилась к Ирке, как Пизанская башня, чтобы подруга тоже услышала ответ.

– Это Егор Баранов, владелец мясокомбината. – Василий хихикнул. – По логике, ему бы больше подошел «Додж», у того как раз баран на капоте, но чувак сильно пафосный, думает, что Егор звучит почти как «ягуар», как тебе это?

– Ягуар Баранов? По-моему, роскошно. – Ирка жестом показала мне – закругляйся, и я поспешила закончить познавательную беседу: – Спасибо, Вася, за информацию. Если какой-нибудь знакомый режиссер будет искать «Бентли» или

«Роллс-Ройс», я дам твой номер, идет?»

Василий подтвердил, что всегда рад звонкам режиссеров с хорошим вкусом и бюджетом, и на этом мы с ним распрощались.

– Ну, ничего себе! – Ирка недоверчиво покачала головой. – Какого кавалера отхватила наша Даша! Целого директора мясокомбината! Кстати, что известно об этом Егоре-Ягуаре, он, часом, не ревнивец-садист?

– Узнаем, – пообещала я, прикидывая, из каких источников можно почерпнуть информацию.

Я попросила Ирку, которой пора было возвращаться домой, чтобы к девяти забросить в школу близнецов-башибузуков, по пути подвезти меня в родную телекомпанию.

Кому случалось один на один оставаться с огромной аудиторией, смело глядя в засасывающую черную дыру – объектив телекамеры, тот не забудет кайф и драйв прямых эфиров. Кому доводилось в любую погоду и в какое угодно время года с микрофоном в руке вещать с полей, митингов, из кулуаров деловых форумов и даже из горячих точек, тот не предаст боевое телевизионное братство...

Ничего, что я так пафосно? Просто это чистая правда. Бывших «тивишников» не бывает, это дружная команда, банда, шайка-лейка навсегда.

По коридору телекомпании шла с ностальгической улыбкой, кивая многочисленным знакомым, периодически с кем-

то обнимаясь или стучаясь в кулачки.

– Что? Опять?! – Мой бывший напарник Женька высу-
нулся из курилки и округлил глаза в комическом ужасе. –
Спасите-помогите, моя жизнь в опасности!

– И это говорит бессердечный человек, который застав-
лял меня раз за разом повторять начитку, чтобы непременно
«заснять взрывчики на заднем плане»! – по-свойски по-
жаловалась я девчонкам-журналисткам, составлявшим опе-
ратору компанию.

– Ну, когда это было! – протянул он.

– В девяносто восьмом, как сейчас помню, – без задержки
ответила я.

– Абхазия? – с острым интересом спросила умненькая де-
вочка-журналистка.

– Какое время было, а? – Женька свободной от сигареты
рукой приобнял меня за плечи. Я покривилась и помахала
ладошкой, разгоняя вонючий дым. – Вся война – за шесть
дней, а теперь что?

Видно было, что маститому телеоператору хочется про-
извести впечатление на хорошеньких девушек. Я бы даже
подыграла ему, если бы Женькина жена Катя не была моей
доброй приятельницей. Весна – время особо опасное для су-
пружеских отношений.

– Что тут у нас? – К курилке, на ходу ловко стыкуя сигаре-
ту с огоньком зажигалки, приблизился еще один пренебре-
гающий предупреждениями Минздрава. – Бойцы воспомина-

ют минувшие дни и битвы, где вместе рубились они?

– Привет, Слава! – Я чмокнула в модно небритую щеку знакомого редактора. – Нет, у меня сугубо мирная тема. Нужна инфа об одном народном кормильце.

– Чем кормит, обещаниями? Какой-то депутат?

– Да нет, владелец мясокомбината. Егор Баранов, что-то есть на него?

– Фу, старый козел! – скривилась одна из девочек.

Я повернулась на голос:

– Почему козел, а не баран?

– Слишком любит молоденьких куколок, – объяснила красавица.

– По опыту знаешь? – подмигнул ей Женька.

– К счастью, не личному. – Девчонка демонстративно передернулась и посоветовала мне: – С помощницей его побеседуйте. Эмма или Элла, не помню. Она расскажет, если захочет, там прям драма была. Сначала любовь-морковь, а потом девчонка к нам приперлась, отчаянно желала пооткровенничать в эфире, но Угрюмыч никаких разоблачений не допустил.

Я вопросительно посмотрела на Славу. Угрюмыч – главред, а Слава – его правая рука.

– Я смутно помню эту историю, – неохотно сказал редактор. – Ее не стали раскручивать, потому что Барановский мясокомбинат – один из наших главных рекламодателей. Сама понимаешь, нельзя рубить такой сук.

– Фамилию Эммы-Эллы помнишь? Контакты есть?

– Вряд ли сохранились, это еще в прошлом году было, причем скандал не случился. – Слава развел руками. – А фамилия... Фамилия ее...

Он показательно задумался.

– Слишком известная, чтобы ты ее называл? – съязвила я.

– Наоборот, какая-то незапоминающаяся...

– Да Смирнова она, – не выдержала девчонка. – Я запомнила, потому что Угрюмыч сострил: Смирнова, а не смирная. Или Тихонова, а не тихая? Блин, я тоже забыла!

– Лошадиная фамилия, классика, – понятиливо кивнула я. – Ладно, товарищи, и на том гранмерсище. Найду я Эллу-Эмму по этим вашим хлебным крошкам.

– Кто б сомневался! – за всех ответил Женька.

Приятно, когда в тебя так верят!

Выйдя из телекомпании, я села на лавочку в ближайшем сквере и позвонила любимому мужу.

– Пирог мы съели, он был вкусный, – отчитался он. – А ты к обеду вернешься или нам пиццу заказать?

– Какая пицца, в холодильнике еще полкастрюли борща! – возмутилась я. – Достанете, разогреете и пообедаете. Сметана там же. Хлеб в хлебнице.

– Соль в солонке, перец в перечнице, – сам догадался Колян. – А ты, значит, домой еще не собираешься. Дела?

– Они самые. И мне нужна твоя помощь.

– Всегда пожалуйста, если, конечно, речь не о мытье ка-

стриули из-под борща.

– О поиске в Интернете. Найди мне девушку, а?

– Оп-па! Просить о таком родного мужа?! Как только язык повернулся!

– Шутить изволите? Родной муж пусть сначала заслужит мое расположение.

– Опять?! Я думал, после свадьбы в этом уже нет необходимости. – Колян страдальчески вздохнул. – Эх... Ладно, говори, кто тебе нужен.

– То ли Эмма, то ли Элла. Она вроде бы Смирнова или Тихонова.

– Широковат разброс!

– Сузим: год назад девушка работала на владельца Барановского мясокомбината Егора Баранова, причем была близко к телу.

– Во всех смыслах?

– Читаешь мысли! Помощница, секретарь, референт – что-то в этом роде.

– Еще что-нибудь?

– Всё!

– Хм... И тебе, конечно, срочно?

Я выразительно промолчала.

– Ладно, жди. – Колян отключился.

Я подвинулась на лавочке, чтобы попасть в пятно света, закрыла глаза и подставила лицо солнышку. Позагораю пока в общедоступном бесплатном солярии...

Оздоровительно-косметической процедуре помешал телефонный звонок. Не посмотрев на экран, я приняла вызов и, думая, что звонит мой благоверный айтишник, спросила:

– И что ты нашел?

– А что я терял? – заинтересовался Женька.

– Осторожность? – предположила я. – Девчонок клеил в курилке в моем присутствии. Не боишься, что я жене твоей расскажу?

– Ой, не надо! Давай лучше я тебе расскажу.

– О чем?

– О том, что не пожелал рассекречивать Славка. Ты же хотела узнать о несостоявшемся скандале с Барановым, я правильно понял?

– Ну, нюх ты не потерял, напарник!

– Да, есть еще порох где надо, – похвалился старый друг. – Так вот, насчет скандала, которому так и не дали развернуться. Там была пребанальнейшая история про похотливого шефа и прелестную секретаршу. Девушка – как в фильме «Морозко»: маленькая, тоненькая, глаза огромные, сама невинность и кротость... Она, дурочка, думала, что у них все серьезно, а мужик просто сорвал цветочек да и бросил его в грязь.

– Как скучно-то...

– Вот именно! Угрюмыч со Славкой потому красотулю в ток-шоу и не взяли, что на такой тоске зеленой рейтинга не поднять. Ну, помог я тебе?

– Немного.

– Считай, за тобой должок. – Экс-напарник положил трубку.

И тут же позвонил Колян.

– Нашел? – спросила я.

– Ага! Все, как ты сказала: борщ в холодильнике, хлеб в хлебнице, сметана... ой, сметану забыл! – В трубке стукнуло, брякнуло, отдаленно загремело – муж полез скрести по сусекам холодильного агрегата.

Я терпеливо ждала.

– Сметану тоже нашел, – бодро отрапортовал Колян и вкусно зачавкал.

– А Эллу, которая, возможно, Эмма?

– И ее! Только она Эльза. И не Смирнова или Тихонова, а Молчанова.

– Тоже годится, – решила я, примерив эту фамилию к выразительной формуле: «Молчанова – а не молчит». – И где она теперь?

– Да всё там же, в дирекции Барановского мясокомбината, только в другом качестве. Раньше была помощником-референтом гендиректора, а теперь менеджер проектов. Ну, я помог тебе?

– Еще как!

– Тогда с тебя причитается. – И муж ушел со связи, чтобы посвятить все свое внимание борщу.

– Меня окружают меркантильные мужчины, – пожалова-

лась я Ирке, позвонив ей, чтобы поделиться информацией.

– Меня тоже, – вздохнула подруга. – Требуют бургеры с колой, еще одну собаку и набор легиона «Звезда смерти». Давай сбежим на необитаемый остров? Только ты и я.

– Можешь привыкать звать меня Пятницей, – разрешила я. – Но в ближайшее время я хотела бы посетить не остров, а офис мясокомбината «Барановский». Мне тут одна знающая птичка напела, что у тамошнего директора, а это, напомним, владелец единственного в городе авто с железным котом, с год назад уже была одна печальная лав стори.

– Насколько печальная? – уточнила Ирка. – Как у Ромео и Джульетты?

– Нет, все остались живы.

– Но были ранены?

– Вроде бы только душевно. Но я все равно хочу побеседовать с брошенной любовницей, может, она скажет, что Баранов склонен к садизму, тогда можно будет напустить на него Лазарчука со товарищи, – объяснила я свои резоны.

– И когда ты собираешься в этот офис?

Я прикинула: к обеду меня дома не ждут, до ужина я совершенно свободна...

– Да прямо сейчас, пожалуй! Вот только из солнечной ванны вынырну. И посмотрю на картах, где тот мясокомбинат.

– Не смотри, я и так знаю, – сказала Ирка. – Ты где сейчас?

Я назвала координаты.

– У меня в час встреча с заказчиком, а до того я свободна,

башибузуков из школы Моржик заберет, – скороговоркой проинформировала меня подруга. – Жди, буду через пятнадцать минут!

Дирекция мясокомбината «Барановский» помещалась в отдалении от производственных помещений, в новеньком двухэтажном здании. У входа высилось необычное произведение искусства – бронзовый баран с рогами, закрученными в нетипично тугие кольца, как украинская колбаса.

Ирка не удержалась и обошла скульптурное копытное по кругу, рассматривая его со всех сторон, а потом резюмировала:

– Директор сможет сэкономить на собственном надгробном памятнике, достаточно будет перевезти эту статую на кладбище.

Чувствовалось, что Егор Баранов, которого она еще в глаза не видела, ей заранее сильно не нравится. Неудивительно: моя подруга дама чувствительная и с большим добрым сердцем. Подлым соблазнителям прекрасных дев она не симпатизирует.

Собственно, встретиться я хотела именно с прекрасной брошенной девой, но Ирка настояла на визите к ее обидчику. Очень уж ей хотелось его увидеть.

– И плюнуть в наглую рожу? – опасливо предположила я. Скандал в мои планы не входил.

– Нет, просто посмотреть, – успокоила меня подруга. –

Психологи говорят, что первое впечатление – самое верное. Значит, мы сразу поймем, негодяй он или просто дурак.

– Почему дурак-то? – не поняла я.

Почему негодяй, и так ясно: обижает юных дев.

– Не ценит, что имеет, – объяснила Ирка. – Я посмотрела в Интернете: у него жена красавица, между прочим, бывшая звезда волейбола.

– Высока, стройна, бела? – уточнила я. – Хм... А в любовницы Ягуар Иванович хрупких куколок выбирает.

– Ну и дурак, – буркнула подруга, сама красотка рослая и фигуристая.

Она загодя взяла двумя руками толстый том, который прежде несла под мышкой, словно вознамерившись стукнуть им при встрече пресловутого Баранова.

Повод для нашего внезапного визита к директору мясокомбината нашла Ирка. Она недавно открыла небольшое частное издательство и придумала предложить Баранову выпустить книгу к предстоящему юбилею предприятия. Это оправдывало и мое присутствие: я позиционировалась как известный автор, который напишет текст. Идея была хороша со всех сторон, поскольку позволяла ударить дуплетом по двум зайцам: и с ролью Баранова в истории с нападением на Дашу разобраться, и получить денежный заказ.

Увы, попасть к директору не получилось. Дверь его кабинета стерегла секретарша в приемной.

– Совсем не тот тип, – шепнула мне на ухо Ирка, ис-

подтишка рассмотрев строгую даму лет сорока, похожую на Маргарет Тэтчер в ее лучшие годы.

Я поняла, на что она намекает: с этой секретаршей у Баранова вряд ли есть неуставные отношения.

Тэтчер с непроницаемым лицом выслушала наши объяснения и выразила сожаление по поводу того, что мы не записались на прием заранее. Она предложила нам подождать, пока ее начальник закончит проводить небольшое рабочее совещание, но не обещала, что и после этого он нас примет:

– В двенадцать у Егора Ивановича встреча на выезде, но, может быть, он уделит вам несколько минут.

– Царь, просто царь! – шепнула мне недовольная Ирка, когда секретарша отвела от нас холодный взор.

Мы сели на стулья у стены и приготовились терпеливо ждать, но царь Баранов неожиданно завершил собрание бояр мясокомбинатских досрочно.

Дверь начальственного кабинета распахнулась, выпуская, как я поняла, самого директора.

– Что-то нужно, Егор Иванович? – Тэтчер встала из-за стола.

Не отвечая ей, Баранов распорядился через плечо:

– Игорь, заканчивай тут! – И, хлопнув дверью, шагнул в приемную.

Яркий свет из незашторенного окна выбил из его обуви пару крупных солнечных зайчиков.

Туфли-броги ручной работы из лакированной кожи, от-

метила я и проехала оценивающим взглядом по мужской фигуре снизу вверх: дизайнерским джинсам и твидовому пиджаку поверх тонкой кашемировой водолазки, а затем по загорелой ухоженной физиономии.

Ну, что сказать? Егор Баранов очень старался выглядеть стильно, модно, молодежно.

Вещи на нем были дорогие, прекрасного качества, но джинсы выглядели коротковатыми и слишком узкими, а тонкая водолазка предательски обтягивала животик. Модная стрижка, белоснежные ровные зубы и слишком густой загар, явно приобретенный не путем погружения в бесплатные солнечные ванны, усиливали впечатление искусственности гламурной мужской красоты.

– Вера, я уехал! – на ходу оповестил шеф секретаршу, пробегая через приемную.

По Ирке он скользнул незаинтересованным взглядом, а за мое лицо неожиданно зацепился – видать, оно показалось ему знакомым. Не зря я годами в телящике сидела.

Баранов остановился, присматриваясь ко мне и хмурясь в попытке вспомнить, уже и рот открыл для вопроса, но тут в кулаке у него заквакал женским голосом мобильный, и Егор Иванович, ограничившись нейтральным «здрасьте», спешно выскочил из приемной.

Ну, натурально ягуар в прыжке!

– Даже не знаю, когда он теперь вернется, – сказала секретарша, и ее ровный голос дрогнул, выдавая растерянность.

Видимо, обычно Егор Иванович был не столь порывист и непредсказуем.

Мы с Ирккой не сговариваясь встали и проследовали на выход. Вдогонку за директором не кинулись, просто быстро пошли в том же направлении и, уже выйдя на лестницу, услышали, как Баранов раздраженно произнес этажом ниже:

– И не звони мне больше, Дарья! Я же сказал – между нами все кончено.

– Интересно, а эта куколка пойдет на телевидение? – проворчала я, уяснив, что в донжуанском списке Егора Ивановича стало на одну брошенку больше.

– Эта не пойдет, – с сожалением сказала Ирка. – Она теперь нетелегеничная – со шрамами-то. Так... – Она свесила голову в пролет, немного послушала, уловила хлопок закрывшейся двери и потянула меня обратно на этаж. – Идем искать Эльзу Молчанову. Как думаешь, где ее рабочее место?

– Максимально далеко от кабинета директора.

– Логично, – согласилась подруга и устремилась в дальний конец коридора. – Удивительно, что он не выкинул бывшую любовницу с работы, только передвинул на другую должность.

– Я думаю, это не по доброте душевной, а по договоренности сторон, чтобы обиженная девушка по редакциям не бегала и репутацию бывшему возлюбленному не портила, – предположила я, присматриваясь к дверям кабинетов, мимо

которых мы проходили.

Табличка «Менеджер проектов» служила скромным украшением предпоследней двери, дальше был только выход на лестницу.

– Мы не заготовили легенду для менеджера! – спохватилась я.

– Сойдет та же, что для директора. – Ирка постучалась в дверь и сразу толкнула ее. – Здравствуйте, мы ищем Эльзу Молчанову!

– Нашли уже, – без особой приязни ответила девушка, сидящая за единственным в кабинете столом.

Второй туда не поместился бы. В микроскопическое помещение даже пару стульев для посетителей впихнуть не получилось, – в простенке под окном стояла короткая узкая скамья, более уместная в малогабаритной прихожей.

– Эльзочка, мы к вам, как к менеджеру, с проектом! – плюхнувшись на эту дегенеративную мебель, оживленно сообщила Ирка, ничуть не смущенная прохладным приемом. – Хотели сразу директору его представить, но он внезапно все бросил и куда-то уехал, на бегу с какой-то Дарьей по телефону говорил.

Подруга уставилась на Эльзу, дожидаясь ее реакции. Та последовала: девушка поморщилась и даже, кажется, скрипнула зубами. Понятно: знает, кто заменил ее под боком Баранова.

Ирка залилась соловьем, рассказывая менеджеру о нашем

замечательном проекте. Я, аккуратно завалившись в узкий проем между стеной и шкафом, рассматривала хозяйку микрокабинета.

Определенно Эльза была того же типажа, что и Дарья: невысокая, хрупкая, кукольно изящная, с большими светлыми глазами и чистой кожей, белой и гладкой, как хороший фарфор. Несомненно, у Баранова есть вкус и четкое понимание того, какие женщины ему нравятся.

– В качестве образца можете рассмотреть вот это подарочное издание, выпущенное нами по заказу мэрии Сочи. – Ирка предъявила свой главный козырь – толстую иллюстрированную книгу.

В высшей степени скромные размеры кабинета позволили подруге передать увесистый том через стол в руки менеджера, даже не привстав со скамьи. Эльза, в свою очередь, тоже не приподнялась, без задержки переправляя представленный образец на полку за своей спиной, только чуть повернулась на стуле.

И в тот момент, когда девушка вытянула руку с книгой, широкий рукав ее легкой блузки скользнул с запястья к предплечью, открыв некрасивый длинный шрам.

– Это он! Точно он! Баранов, козлина! – тихо ярилась Ирка, подкрепляя свои слова ударами кулаков по рулю.

Мы сидели в ее машине, но никуда не ехали – ждали, пока душевное состояние водителя позволит тронуться с места, а

не умом.

Сама Ирка шрам на руке Эльзы Молчановой не разглядела – не успела, девушка быстро одернула рукав и застегнула пуговку на манжете, но подруге хватило и моих слов. А я не пожалела красок, и описание шрама Ирку так впечатлило, что она окончательно уверилась: преступник, порезавший Дарью, – ее любовник Баранов.

– Ну, и чего ты ждешь? – Подруга требовательно посмотрела на меня. – Звони Сереге! Сдадим полиции мерзавца, который уродует юных красавиц!

Я не чувствовала уверенности, что директор мясокомбината и есть искомый мерзавец, но это был тот случай, когда лучше сделать так, как просят. Ирку в ее нервном состоянии могла успокоить только перспектива скорого торжества справедливости.

– Привет, Серый, – сказала я в трубку, дозвонившись до друга-полковника с третьей попытки. Полагаю, ему не очень хотелось со мной разговаривать. Уж не знаю даже почему. – А мы тут вам другого подозреваемого вместо Покрышкина нашли!

– А мы вас просили? Нас и Покрышкин вполне устраивает, – проворчал Лазарчук.

– Муж порезал жену? Фу, как банально, у кого-то вовсе нет фантазии, – покритиковала я нашу доблестную полицию.

– Зато у кого-то ее слишком много, – ответно покритиковал меня полковник и вздохнул, в очередной раз покоряясь

своей участи. – Ну, давай, сочини свою оригинальную версию.

– И ничего мы не сочиняем! На факты опираемся! – сунулась к трубке Ирка.

– Здоров, Иннокентьевна, – приветствовал ее Лазарчук. – Кто б сомневался, что вы там вместе *отираетесь*.

Ирка фыркнула, я примирительно ей улыбнулась, а Сереге сказала:

– Мы узнали, что у Дарьи Покрышкиной был любовник.

– Почему был? – судя по тону, новость не произвела впечатления.

– Потому что он ее бросил. А в прошлом году у него была другая любовница, Эльза Молчанова, и ее он тоже бросил.

– И что? Ну, есть у мужика такая традиция – каждый год бросает любовницу. – Полковник уже развлекался. – Предосудительно, но не наказуемо.

– Ты дальше слушай, – я была терпелива. – Та Эльза и эта Дарья – красотки одного типажа, обе хрупкие куколочки, могли бы сойти за сестер.

– И что? Мужик определился со своими предпочтениями. Это даже не предосудительно, а скорее похвально.

– Угу. И у той Эльзы есть некрасивый длинный шрам на руке. Не очень старый, годичной давности, я думаю.

– Да? А вот это уже интересно. – Лазарчук сменил тон с откровенно издевательского на умеренно ироничный. – И ваша альтернативная версия – мужик последователен во

всем? Заводит романы с похожими дамами и завершает отношения определенным образом – чиркая любовниц бритвой?

– Именно так! – опередив меня, с вызовом объявила Ирка. – И не смей игнорировать эту информацию, а то я не знаю, что сделаю! Я... Я тоже пойду на ток-шоу с разоблачением!

– А кто туда уже ходил? – зацепился за слово полковник.

– Молчанова, – объяснила я. – Стучалась на ТВ, хотела попасть в эфир с шокирующими откровениями, но ее туда не пустили, потому что этот ее любовник – один из крупных рекламодателей телеканала.

– Еще лучше! И кто же сей злодей?

– Егор Иванович Баранов, владелец мясокомбината.

– Фух, ну хоть не депутат или вице-губернатор, – выдохнул Лазарчук и чем-то дробно постучал – должно быть, ногтями по столешнице. – Ладно, уговорили. Проверим Баранова.

– А спасибо сказать? – снова влезла Ирка.

Тон у нее уже был не скандальный, а так, слегка вызывающий. Еще чуть-чуть – и можно будет ехать без риска попасть в ДТП из-за нервного перевозбуждения водителя.

– Спасибо, – послушно сказал Лазарчук. – И до свидания. Не звоните мне, я сам сообщу результаты!

– Я сам с усам! – передразнила его Ирка, но полковник ее уже не услышал. – Дождешься от него, сообщит он!

Она сделала вдох-выдох, успокаиваясь, села поудобнее и протянула руку, поворачивая ключ в замке зажигания:

– Куда дальше?

Ей надо было на встречу, а мне – домой, работать. Новый детектив писать. Как это называет Лазарчук – использовать свою богатую фантазию в мирных целях.

Мы договорились, что свяжемся, как только наш друг полковник позвонит кому-то из нас с информацией, Ирка забросила меня домой, а сама отправилась по своим делам.

Лазарчук позвонил мне – уже вечером.

– Ну что сказать? Акела промахнулся, – объявил он с нескрываемым удовольствием, из чего я сделала вывод, что под жожаком стаи подразумеваются не люди в погонах. – У Баранова алиби. Когда кромсали Покрышкину, он участвовал в совещании...

– Ой, видели мы, как он участвует! «Игорь, заканчивай сам!» – и бегом по своим личным делишкам!

– Это было совещание в краевом министерстве промышленности, он честно отсидел от звонка до звонка, еще и медальку какую-то получил, а потом вечером на фуршете красовался.

– С кем, интересно? Завел себе новую куколку?

– Оскорбляешь гнусными подозрениями примерного гражданина и семьянина, – попенял мне полковник. – С женой он был на фуршете! Она у него, конечно, не куколка, а

скорее гренадер, но по-своему хороша, вполне можно вывести в люди.

– Постой, а со шрамом Эльзы что?

– Ничего!

– В смысле?

– Ничего я тебе говорить не должен, потому что это врачебная тайна. Но так и быть, скажу по секрету: у Молчановой было злокачественное образование, родинку ей опасную на руке удалили, там метастазы, пришлось сильно порезать, вот и остался шрам.

– То есть Баранов к этому шраму никаким боком? – Признаться, я немного расстроилась.

– В появлении этого шрама Баранов не виноват, но именно из-за него он бросил Молчанову. Мужик гнилой, конечно. – Полковник неодобрительно хмыкнул. – У девчонки такая болячка, страхи, нервы, все дела, а он, вместо того чтобы поддержать в трудный момент, порвал с ней! У него, видите ли, утонченное чувство прекрасного! Не выносит он, такой эстет, вида уродливого шрама! Бывают же засранцы... Впрочем, и это не наказуемо. – Серега спохватился, что слишком разговорился. – Короче, Баранов никого не чикал – ни одну свою любовницу, ни вторую. Уж прости, мы Покрышкина винтить будем, больше некого.

– Но он же немой!

– И что? В соцсетях общается, эсэмэски пишет, на бумаге тоже строчит будь здоров, кстати, без ошибок и краси-

вым почерком. Значит, мог договориться с кем-то, привести с собой на дело «толмача», чтобы жертву запугивать. Или звукозапись сделать, а потом включить! И он не глухой, все слышит, а его немота психологической травмой детства объясняется – даже спецы не могут уверенно утверждать, что парень действительно не говорит. Может, он немым только прикидывается.

– Понятно, – убитым голосом сказала я. – Что ж, спасибо за информацию.

– Всегда пожалуйста, – ответил довольный полковник, заканчивая разговор.

Соврал, между прочим: делиться сведениями с нами, скромными любительницами частного сыска, он не любит, «всегда пожалуйста» – это больше про его отказы нам с Ирккой.

Ирка! Я вспомнила, что мы договорились держать друг друга в курсе дела, и сразу же позвонила ей.

– Очень жаль, что это не Баранов, – выслушав меня, прямолинейно сказала подруга. – Он такой противный, его мне было бы совсем не жалко, не то что Митю Покрышкина. Хороший же парень! Работяга честным трудом зарабатывает, девчонку сироту-бесприданницу в жены взял. А еще инвалид – безъязыкий, и какая-то там психологическая травма у него...

– Это все адвокат на суде скажет, – поддакнула я.

Мы немного помолчали, сочувствуя попавшему в жернова

судьбы хорошему парню.

– Ладно, пусть это не Баранов, но мог же быть другой подлец? – Ирка никак не хотела сдаваться.

– В смысле, еще один любовник Дарьи?

– Необязательно. Бывают посторонние ненормальные! Тем более сейчас весна – время обострений... Что, если какой-то маньяк порезал Дашу, а подставил ее мужа? Психи же очень хитрые, я сколько раз в кино такое видела.

– Допустим, псих был. Как именно он подставил Митю? – Я выразила готовность к конструктивному диалогу.

– Давай рассуждать, – из трубки донесся скрип – наверняка Ирка уселась или улеглась поудобнее. – Какие улики есть против Мити?

– Он отправлял со своего телефона угрозы Даше, это раз. Второе: с его же мобильного она получила сообщение с просьбой отдать ему рыболовные снасти. – Я принялась загибать пальцы. – Третье: с того же аппарата пришла эсэмэска о том, что он уже стоит у подъезда. Дарья на это сообщение отреагировала – и к ней ворвался Потрошитель.

– Отлично излагаешь, – похвалила меня Ирка. – Сама-то поняла, против кого все эти улики? Не Мити, а его телефона!

– Формулировка не чеканная, – я не удержалась от легкой критики, – но смысл твоих слов мне понятен. В самом деле, все эти сообщения мог отправить не он сам, а кто-то другой, у кого был доступ к его мобильному.

– Вот! А у кого он был? Надо выяснить, – резюмировала

подруга и зевнула. – Но уже завтра... Созвонимся с утра. Спокойной ночи, сладких снов!

Спокойно отойти ко сну мне помешал характерный шум на соседнем балконе: там кто-то бурно рыдал. Я вышла на свой балкон и увидела, как Настя Лосева утешает Дашу Покрышкину. Рефлексы молодой матери исправно работали: Настя прижимала ревущую подругу к груди и размеренно потряхивала, словно надеялась укачать ее, как младенца.

Я подняла брови, интересуясь, по какому поводу белужий рев.

– Мужа оплакивает, – поверх растрепанной головы Дарьи объяснила мне Настя. – Жалко его, пропадет же в тюрьге.

– И я без него тоже пропаду! – Даша повернулась ко мне.

Я присвистнула: куда девалась нежная кукольная красота? Лицо у рёвы было серое, помятое, глаза припухли, уменьшившись вдвое, а нос, наоборот, увеличился и покраснел.

– Он же порезал тебя, – напомнила я. – А ты его жалеешь?

– А может, это не он! – запальчиво объявила бывшая красавица и с вызовом шмыгнула носом. – Даже наверняка не он! Он же никогда... даже пальцем... – Она опять заревела.

– Чем помочь – не знаю! – Настя развела руками и снова притянула к себе рыдающую подругу.

– Да чем тут поможешь... – пробормотала я – и призадумалась.

Даже сама жертва уверена, что на нее напал не Митя! Но как убедить в этом следствие?

– Даш! – позвала я. – Хорошо рыдать, слезами горю не поможешь. У тебя мобильный при себе?

– Угу. – Дарья, заливая слезами воображаемую жилетку подруги, похлопала ладонью по боковому карману спортивных штанов.

– Достань, открой переписку с мужем и покажи мне, – велела я. – Не всю, а только ту часть, где угрозы и просьба вернуть удочки.

– Зачем? – Рёва правой рукой повозила по носу, а левую сунула в карман.

– Делай как сказано! – строго прикрикнула на нее Настя.

– Ну, вот тут всё. – Дарья передала мне мобильный.

Я внимательно просмотрела сообщения, вернула его хозяйке и попросила:

– Скриншоты сделай и пришли мне в мессенджер, Настя скажет номер. И хватит выть тут, как по покойнику, мы за твоего Митю еще поборемся. Всё, я спать, чего и вам советую. – И ушла с балкона, плотно прикрыв за собой дверь.

Весна весной, а по ночам еще холодно. Далеко еще до устойчивого тепла.

– Доброе утро! – Я позвонила Ирке ровно в семь часов.

– Это месть? – душераздирающе зевнув, с подозрением поинтересовалась она. – По Эдуарду Хилю? Чтобы день начинался и кончался тобой?

– Обижаешь, – посетовала я. – Не стала бы я опускаться до

Хиля! Просто спешу проинформировать тебя. Я внимательно изучила сообщения, которые отправлял Дарье Покрышкиной ее муж...

– Где взяла?

– Попросила Дашу прислать мне скрины, не перебивай. Так вот, я изучила эти эсэмэски и пришла к интересному выводу. Конечно, я не эксперт, но все же дипломированный филолог, кое-какой лингвистический анализ провести могу, и знаешь что?

– Да говори уже! – Подруга окончательно проснулась.

– Там не одна рука автора!

– То есть? Автор не однорукый? Так мы и без этого твоего анализа знали, что Митина ущербность психическая, а не физическая!

– Ты не поняла! Я уверена, что сообщения писали два разных человека! Угрозы – один, а просьбу про удочки – другой!

– И почему ты так решила?

– Там совершенно разный эмоциональный тон, но это не главное. Угрозы, в отличие от послания про удочки, небезупречны по части грамотности. Тексты короткие, но в некоторых есть грубые ошибки: то «сдохнИшь», то «мерСкая», а главное – автор постоянно ставит восклицательный знак перед вопросительным, это, кстати, часто бывает, почему-то людям трудно запомнить подсказку: толстый и тонкий, – я сбилась на ликбез.

– А Тургенев тут при чем?!

– Чехов, а не Тургенев! Это у Антона Павловича есть рассказ с таким названием. «Толстый и тонкий», помнишь?

– Ну?

– Применяй это к знакам. Вопросительный – толстый, он ставится первым, восклицательный – тонкий, идет вторым. Понятно?

– Всё! Даже то, почему в телефоне Покрышкина нет эс-эмэсок с угрозами: настоящий преступник их отправил – и сразу же стер, чтобы Митя о них не узнал! – радостно выдала Ирка.

– Вот и я так подумала. Если у настоящего преступника была возможность сначала отправить с телефона Покрышкина сообщение, а потом его стереть, да еще повторить этот цикл неоднократно в течение нескольких дней, то что это значит, как ты думаешь?

– Этот гад ошивался рядом с Митей!

– И при этом Покрышкин был не слишком внимателен, во всяком случае, телефончик свой не контролировал и за действиями гада не следил, – добавила я. – Соображаешь, какая картинка вырисовывается?

– Соображаю, что это они соображали на двоих! – Ирка выдала незатейливый каламбур. – Попросту говоря, пили до упаду Покрышкина. Значит, нам нужно найти постоянного собутыльника ревнивого мужа. Где он обитал после ухода из дома, на какой-то дачке его взяли коллеги Лазарчука?

– Сейчас узнаю адрес у Дарьи, – пообещала я.

– Узнай. И собирайся, я заеду за тобой минут через сорок.

Откладывать дела в долгий ящик моей подруге не свойственно. Ирка примчалась даже раньше – успела за полчаса. Она вручила мне очередной осетинский пирог:

– Сегодня с капустой. – И тут же отняла теплую коробку, чтобы самолично отнести ее на кухню. На обратном пути подцепила меня под руку и утащила за дверь, которую я не успела закрыть. – Ну, что ты телишься, давай скорее! У меня на детективные дела всего час-другой, надо поторапливаться.

Поторапливались мы так, что летели, не обращая внимания на камеры, и на загородной дороге наверняка собрали пару штрафов за превышение скорости. Зато в нужный нам дачный кооператив «Весна» примчались уже в начале девятого и как раз застали массовый исход местных жителей на утреннюю электричку.

– Лучше бы, наоборот, вечером приехать, сейчас и побеседовать не с кем, народ на работу торопится, – посетовала я.

– Торопыги нам вообще не собеседники, – рассудила подруга, выбравшись из машины и искательно оглядевшись.

В далеко не элитном кооперативе никаких шлагбаумов и будок с охраной не имелось, и мы подъехали прямо к скромной дачке Покрышкиных. Ирка похлопала по облезлой лавочке под щелястым забором:

– Присядем. Подождем, пока пенсионеры на свежий воздух потянутся.

– Они вполне могут ограничиться собственными дворами, – возразила я.

– Не сегодня. – Подруга усмехнулась. – Вы не заметили на двери местного магазинчика приметное объявление, Ватсон?

– Я его даже не увидела, магазинчик был слева – с твоей стороны, – напомнила я.

– Верно. – Ирка кивнула. – И я успела прочесть: «Молоко бочковое – четверг, 8:30». А сегодня как раз четверг. Вот увидишь, сейчас мимо нас детишки и старички с бидончиками потянутся. Выберем наиболее адекватного на вид персонажа и заведем с ним разговор.

Нашей собеседницей снова стала бабуля.

Насчет ее адекватности я бы поспорила – оранжевая строительная каска не очень гармонировала с серым болоньевым плащом и черными калошами. Но бабка логично объяснила свой выбор головного убора, заметив, что мы смотрим на него во все глаза.

– Кажется, дождик собирается! – сообщила она, совсем как Винни-Пух. – А у меня зонта нет, дочка с им на работу утопала!

Сама бабуля утопывать не спешила. Она остановилась напротив нашей лавочки и, погромыхивая эмалированным бидоном с крышкой в заведенных за спину руках, покачалась с носков на пятки, блестя калошами:

– А вы чивой-то тута? Хозяев нема. Петровна померла

давно, а Митьку, сына ейного, повязали на днях.

– Чивой-то? – спросила Ирка и вытащила из кармана пакет семечек. – Угощайтесь, бабушка.

Я скользнула на край лавки, Ирка придвинулась ко мне, а бабка заняла освободившееся место и подставила ковшик ладони, принимая угощение.

– Магазинные? – Она хрустко раскусила семечку. – Недожарили, ну да ладно... Вы Митьке кто будете?

– Ему никто, мы его жены знакомые, – честно сказала Ирка. А уже после соврала: – Хотели его с Дашкой помирить, поговорить приехали. Пропадет же мужик в одиночестве.

– Тю-у-у! Спыхватилися! – Бабка мелко затряслась, засмеялась, как закудахтала. – Шо ему Дашка та, он и без нее не одинокий! Нашел уже себе компанию.

– Другую женщину завел? – расстроилась Ирка.

– Почему обязательно женщину? – Бабка помотала головой, во все стороны рассыпая блики от лакированной каски. – Компанию-то и мужик может составить, и собака, и даже попугай, особенно ежели говорящий.

– Мите-то зачем кто-то говорящий, он сам немой! – напомнила я.

– А послушать? Покивать согласно? Посмотреть выразительно? Не надо недооценивать немых, – укорила меня бабка.

Я стушеввалась. Правда, что это я такая нетолерантная...

– Так с кем тут хороводился Митя? – Ирка потребовала

конкретики.

– А с парнем, – ответила бабка и вдруг запела, притопывая ногами в калошах: – На зака-а-ате ходит па-а-арень возле дома моего, поморга-а-ает мне глаза-а-ами и не скажет ничего!

Голосок у певицы был слабый, но мелодию она выводила чисто. Я аж заслушалась. Даже каска в комплекте с калошами перестала казаться мне странным прикидом – артисты еще не так наряжаются...

Ирка очнулась первой.

– Так, погодите, уважаемая! – встряхнувшись, воззвала она к певице. – Значит, Митя встречался тут с кем-то. Что за парень, какой он?

– Ни разу не смогла его рассмотреть, – с сожалением ответила бабка, прекратив концертировать. – Хотя видела трижды, а то и поболее... Я вон там живу. – Она неопределенно махнула рукой. – Быстро не добежать, а в окошко много ли разглядишь? Парень высокий, плечистый. Одет как чучело, то есть как все они нынче: в мешковатые штаны и безразмерную кофту с капюшоном. Название еще у ей какое-то неприличное – хуми чи хуни?

– Худи, – машинально подсказала я.

– О! Оно самое! На башке кепка с козырьком, поверх ее капюшон – как его разглядишь? – Бабка откровенно досадовала. – Я только раз дружбана этого нового Митькиного вблизи видела, как раз мимо по улице шла, а этот, в хуни, как раз в калитку постучался. Митяй открыл, и этот сразу

юркнул во двор, опять я его толком не разглядела.

– Петровна, тебе очередь занять? – позвал кто-то.

Мы вскинули головы.

Посреди улицы, нетерпеливо перебирая ногами в кроксах, надетых на махровые гольфы, притормозила другая бабуля. У этой на голове была ярко-розовая полиэтиленовая шапочка для душа.

– Бедно живут, по одному зонтику на семью, – вздохнула моя сердобольная подруга, провожая взглядом подхватившуюся бабушку в каске и ее подружку в целлофановом берете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.